

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРАВА: ЕДИНСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО И УНИВЕРСАЛЬНОГО

Главный редактор журнала «Государство и право» в научном диалоге
с Председателем Конституционного Суда Российской Федерации¹

Человечество в настоящее время переживает эпоху революционных перемен, связанных с формированием более справедливого мира. Очевиден запрос на формирование такой системы отношений между странами, которая обеспечивала бы безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности и равные возможности развития. В процессе построения подобного миропорядка особая роль, безусловно, отводится праву. Какими должны быть направления развития современной юридической науки и эффективного использования ее потенциала? Как добиться самостоятельности и конкурентоспособности российских ученых в фундаментальных исследованиях закономерностей развития государственно-правовых институтов? Какова роль Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении стабильности и прочности правовой системы и правопорядка? С этими и другими вопросами профессор Александр Николаевич Савенков обратился к авторитетнейшему правоведу, профессору Валерию Дмитриевичу Зорькину.

¹ Интервью подготовлено в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

А.Н. Савенков. В настоящее время антиисторические тенденции, которые в западных общественных науках начали активно проявляться с конца XIX в., возведены в Европе в ранг одного из основных индикаторов, по которым определяется степень прогрессивности науки и даже ее цивилизованности. В связи с этим можно ли говорить о формировании образов будущего права и основ его стабильности, не учитывая внутреннюю генетическую связь права с культурой, историей и традициями народа?

В.Д. Зорькин. Национальное право — цивилизационное, культурологическое и социальное явление, возникшее в недрах конкретных обществ и отражающее ценности и ментальность определенных народов. Отрицать это бессмысленно, эту «пуповину» разорвать невозможно.

При этом право в целом помимо национального имеет корпоративные, локальные, местные, региональные, наднациональные и международные пласты, каждый из которых обладает своими особыми характеристиками и движущими факторами развития. Все они находятся в постоянном взаимодействии, а иногда — в противоборстве.

В современном мире на формирование права влияют постоянно ускоряющиеся под давлением научно-технического и коммуникационного прогресса процессы развития общественных отношений, приводящие к возникновению новых правовых ценностей и девальвации старых, а также

вызывающие непримиримые внутрисоциальные и международные противоречия. Мир стремительно и неоднородно изменяется, что также влияет на право, которое не является оторванным от этих процессов феноменом и которое для обеспечения социальной стабильности должно содержать формулы разрешения правовых конфликтов и механизмы выработки таких формул в потоке реальных событий. Немаловажное значение здесь приобретает учет генетической связи права с культурой, историей и традициями народа, поскольку, как подтверждают социологические исследования, изменить культурный код социума невозможно.

А.Н. Савенков. Вы являетесь автором широко известной среди ученых-юристов работы «Позитивистская теория права», в которой обобщены характеристики так называемого формально-догматического подхода к праву. Известно, что данный подход созвучен представлению о праве как системе норм и является одним из самых популярных среди российских и зарубежных ученых. Возможно ли, на Ваш взгляд, вести сегодня речь о развитии философии права и теории права, опираясь только на нормативизм, который, как известно, не признает ничего кроме бесцельного долженствования, т.е. должен, потому что должен?

В.Д. Зорькин. Строить философию и теорию права только на одном варианте правопонимания непродуктивно. Во всяком случае недопустимо целенаправленно загонять философско-правовую мысль в «прокрустово ложе» одного из подходов. Пусть подходы конкурируют, «пусть расцветает сто цветов».

Действительно, позитивизм, и в частности нормативизм, до сих пор пользуются большой популярностью среди ученых. Но современное научное знание стремится выйти за рамки классических типов правопонимания. Сегодня это уже не те теории, что были сто или двести лет назад. Даже люди, называющие себя учениками или продолжателями нормативистской теории Г. Кельзена, в настоящее время в некоторых аспектах далеки от своих предшественников, сближаясь с современными интегративными концепциями, которые пытаются подойти к объяснению права так, чтобы учитывались основные идеи как позитивизма, так и юснатурализма или социологического подхода. Иногда это вызывает дополнительные вопросы, но такие тенденции нельзя игнорировать, когда речь заходит о современном состоянии теории и философии права.

Сегодня все большее внимание со стороны европейских и российских ученых получают теории, сформировавшиеся в странах с иными правовыми системами: Китае, Юго-Западной Азии, мусульманских государствах, где господствуют другие правовые традиции и пройден особый исторический путь. Европейские и российские ученые предпринимают

попытки свести указанные учения к близким и понятным нам концепциям, однако в тех социальных культурах теории основывались на иных предпосылках и предлагали другие выводы.

Науке теории и философии права еще есть куда развиваться, в том числе с помощью сравнительно-правовых исследований. Но те фундаментальные идеи, сформулированные Г. Кельзеном в рамках нормативизма или нашими дореволюционными авторами (например, Г.Ф. Шершеневичем или Н.М. Коркуновым), непременно будут сохранять значимость и влиять на дальнейшее развитие правовой науки.

А.Н. Савенков. В российской юридической науке и сфере образования давно проявляется ориентация на анализ мнений зарубежных авторов, притом часто даже не юристов, а отечественных исследователей относят к представителям досоветской, советской либо постсоветской эпох без достаточного внимания к оригинальности их взглядов, а лишь в связи с некоторым согласием или несогласием относительно зарубежных авторов. Можно ли в связи с этим рассчитывать на убедительность отечественной юридической науки, которая ищет подсказанные формулы вовне?

В.Д. Зорькин. Наука в целом и юридическая наука в частности имеют иные границы, не совпадающие с границами Отечества. Ничего зазорного нет в том, что российские исследователи проявляют интерес к исследованиям своих зарубежных коллег, а те, в свою очередь, интересуются работами наших ученых. В юриспруденции даже появился особый языковой контент, в том числе русскоязычный, являющийся одним из наиболее востребованных. Довольно много исследователей из ближнего зарубежья, а также из Восточной Европы и Германии публикуют свои работы в российских научных изданиях, а труды российских ученых переводятся на иностранные языки. Хотя не исключаю, что в связи с реализацией в отношении россиян так называемой культуры отмены в этом возникают сложности.

Сегодня, как и ранее, отечественная правовая мысль занимает свое достойное место в мировой юриспруденции.

Российские исследователи не только учились у зарубежных грандов и ориентировались на них в своих работах, но также, опираясь на отечественную специфику и свой национальный опыт, содержательно обогащали мировую науку о праве. Кстати, это можно сказать о теории, даже философии права. Так, психологическая школа права Л.И. Петражицкого до сих пор вызывает у зарубежных исследователей большой интерес. Надо отметить, что адаптация передовых научных разработок и правовых институтов на российской почве, осуществляемая в том числе благодаря исследованиям

российских юристов, значима не только для развития отечественной юриспруденции, но и для мировой юриспруденции в целом.

Отдельное значение имеют исследования советских юристов, благодаря усилиям которых состоялось социалистическое право, отнесенное Рене Давидом к отдельной разновидности правовой семьи. В этом смысле работы советских исследователей по-прежнему сохраняют ценность, и прежде всего для юриспруденции стран, в той или иной форме сохранивших социалистический строй.

Безусловно, нельзя отрицать, что в постсоветский период российская юридическая наука в большей степени подпитывалась зарубежной юридической наукой. Однако такое положение, во-первых, во многом было обусловлено сменой парадигмы правового развития, а во-вторых, позволила в сжатые сроки адаптировать российскую правовую систему к новым условиям, усовершенствовать правопорядок и проверить, по сути, в полевых условиях ценность многих правовых конструкций и разработок, что также является неоценимым вкладом в современную мировую юриспруденцию. Даже если эти конструкции и разработки на российской почве «провалились», то это было добросовестно зафиксировано и объяснено отечественной правовой наукой.

А.Н. Савенков. *В юриспруденции давно доминирует внешний словарь, в основном политологический, который описывает юридические феномены и явления в соответствующих наукообразных характеристиках. Скажем, термин «легитимность» во времена М. Вебера переводился как «законность», а сегодня он явно тяготеет к политологическим описаниям. Представляется, что без понятийного словаря развитие науки вообще и национальной в частности невозможно. Каковы, на Ваш взгляд, перспективы совершенствования понятийного аппарата юридической науки без ущерба для ее самостоятельности?*

В.Д. Зорькин. Правовые понятия и категории образуют профессиональный и научный язык юриспруденции, без которого ни правовые науки, ни само право не могут существовать. Соответственно, развитие этого языка имеет ключевое значение, что является задачей прежде всего теории права, которая должна свести к общему знаменателю терминологические особенности различных отраслей права и отдельных смежных наук. При этом полной унификации понятийного аппарата в рамках теории права вряд ли удастся достичь, хотя это является перманентной целью теоретической юриспруденции. Отраслевые юридические науки всегда будут сохранять специфику своих терминологических оттенков, что вполне допустимо и естественно.

В этом смысле, например, понятийное влияние политологической науки не представляет опасности для цивилистической юриспруденции. Скорее большую опасность могут представлять отраслевые понятия и институты, имплементируемые в другие отрасли без их достаточной проработанности, что нередко приводит к деформации успешно реализуемых правовых институтов.

Что же касается влияния понятийного аппарата политологической науки на публичное право, то это влияние может быть взаимным, нужно разбираться с каждым конкретным термином в отдельности. Относительно термина «легитимность», обремененного при его характеристике такими политологическими категориями, как «принятие», «согласие» и «одобрение» обществом, можно заметить, что все эти проявления легитимности сами по себе имеют правовое значение и возможны на законной основе. Следовательно, «легитимность» по-прежнему можно понимать и как «законность», имея при этом в виду, что содержание законности также значительно научно обогащено.

А.Н. Савенков. *Известный немецкий юрист Отто фон Гирке во второй половине XIX в. проповедовал идею о том, что истинное правосознание и вообще представления о праве могут рождаться только из изучения глубинных основ национальной правовой культуры, правосознания народа и его представлений о наиболее целесообразных формах социального общежития. На протяжении веков рационалистические и глобалистские проекты создавали иллюзию всеобщего правового порядка на универсальных началах, не учитывая национального облика народов и государства. Как, на Ваш взгляд, может выглядеть модель образа будущего права — универсализм или многообразие национальных типов права?*

В.Д. Зорькин. Исследователь, которого Вы упомянули, является одним из ярких представителей славной исторической школы права, акцентировавшей научное внимание на генезисе национального права и сформировавшей скептическое отношение к правовым заимствованиям. Достижения этой научной школы и в наши дни не утратили своей ценности. В частности, подходы, выработанные исторической школой, и сегодня могут быть успешно использованы для оппонирования процессам универсализации права в связи с необдуманными заимствованиями правовых институтов.

В то же время правовые явления не следует рассматривать сквозь призму исключительно национального видения права и его ретроспективного восприятия. Право — явление многогранное и актуальное, а потому оно не может быть в полной мере описано только подходами исторической школы.

Полагаю, что модель цивилизованного права, учитывающая сочетание определенных проявлений

универсализма, с одной стороны, и многообразия правовых семей и национальных типов права — с другой, уже сложилась, и в будущем такой баланс сохранится, хотя определенная его настройка — прежде всего в части недопущения перекоса в сторону универсализма — все равно нужна.

А.Н. Савенков. *В 1990-е годы в нашей стране активно развивался процесс импортирования правовых идей и институтов, которые нередко приводили к требованиям пересоздания базовых ценностей, в том числе в политической и правовой сферах. Некоторые оказались пригодными для государственного строительства, другие явно не прижились. Можно сказать, что право нуждается в своего рода культурном и научном суверенитете? Насколько убедительными и полезными могут быть импортированные правовые формы и инструменты для обеспечения правового порядка? Скажем, идея «мягкого права», отсылающая к американской доктрине международного права, называется сегодня новой и становится весьма популярной. Однако из истории права хорошо известен с самых незапамятных времен метод убеждения в дополнение к методу принуждения.*

В.Д. Зорькин. При всех современных сложностях, связанных главным образом с публично-правовой составляющей права, как бы это ни казалось естественным и необходимым, не следует идти по кажущемуся комфортным пути формирования закрытой модели национальной правовой системы и презюмировать, что только в таких условиях возможен культурный и научный суверенитет. Закрытая модель права не соответствует современному уровню развития общественных отношений, дезориентирует субъектов правоотношений и может вызвать проявления правового нигилизма.

За последние почти четыре десятилетия выстраивания открытой модели права мы прошли слишком большой, богатый и интересный путь своего национального правового развития, где имели не только неудачи, но и большие успехи. В целом нам удалось выйти на высокий уровень правового развития, практически полностью обновлена правовая материя и усовершенствованы судебные и административные механизмы защиты прав. Следовательно, даже с позиции исторической школы права вряд ли будет оправдан такой правовой разворот. Поэтому в современных условиях речь может идти о проявлении большей разборчивости в вопросах имплементации иностранных правовых институтов и конструкций. Возможно, на данном этапе следует в большей степени сосредоточиться на адаптации к российским реалиям и усовершенствовании уже состоявшихся успешных заимствований.

Что касается идеи «мягкого права», то это во многом вопрос о терминах. Во всяком случае

от гуманизации права в нормотворчестве и в правоприменении (которую многие связывают с этими понятиями) как направления правового развития также не стоит отказываться. Развертывание правовых конструкций в точках «напряжения» между публичной администрацией и частными лицами, нацеленных на профилактику нарушений законодательства, на стимулирование социально активного и ответственного поведения, видится перспективной формой правового воплощения управленческого метода убеждения.

А.Н. Савенков. *Большое влияние на современную культуру политико-правового мышления оказывает ссылка на новые типы рациональности, дискуссионность, различные виды модернизма. Однако, как представляется, в свободно-реформаторском значении, которое позволяет их сторонникам легче обходить устоявшиеся и традиционные представления о праве, создается иллюзия качественного и социально-полезного обновления, поскольку они используются не в дополнении к традиционным представлениям о юридической науке, а претендуют практически на полную замену принципов классической науки.*

В.Д. Зорькин. Новые типы рациональности, новые логические системы, методы научного познания возникают не произвольно. Они во многом являются попыткой (хотя и далеко не всегда успешной) познания непознанных еще феноменов или новых аспектов известных ранее явлений, изучение которых в рамках прежних устоявшихся подходов приводит к неудовлетворительным результатам с позиции современных ожиданий.

Применение и обоснование эффективности новых типов рациональности представляет собой архисложную научную задачу, возможно, в современных условиях непосильную для отдельного исследователя или даже коллективов исследователей. Для разработки, адаптации и признания нового научного мышления и сопровождающего его познавательного инструментария требуется длительный научный процесс: конкурентные исследования научных коллективов, школ и многолетние дискуссии относительно полученных результатов. Такой поиск предполагает глубокое знание устоявшихся и традиционных представлений об объекте исследования. Во всяком случае произвольный отказ от классических подходов в научном сообществе невозможен, а такие попытки, как Вы справедливо заметили, приводят к незаслуживающим доверия иллюзорным представлениям, разоблачение которых не составляет большого труда.

И еще один важный момент — «новые типы рациональности», даже как исследовательские парадигмы в общественных науках, ни в коем случае не должны быть освобождены от необходимости

быть основанными на гуманистических принципах. В противном случае применительно к развиваемой на Западе научной методологии само слово «рациональность» звучит как-то зловеще.

А.Н. Савенков. *Отечественный философ права Иван Ильин утверждал, что истинный законодатель есть «художник естественной правоты». Эта очень емкая и познавательная формула явно показывает, что правотворчество — это не простая технологическая задача. Учитывая объемлющую роль Конституционного Суда РФ в обеспечении стабильности и прочности правовой системы и правопорядка в России, можно ли, на Ваш взгляд, говорить об актуальном значении приведенного высказывания в свете конституционно-правовой практики?*

В.Д. Зорькин. Эта глубокая мысль русского философа права Ивана Ильина в полной мере подтверждается практикой Конституционного Суда РФ и соответствует современным интегральным подходам к пониманию права как сложного многоуровневого и многоаспектного социального феномена.

Так, в рамках стандартизированного представления законодатель — институционально выраженный субъект, уполномоченный народом принимать законодательные акты с соблюдением установленных процедур. Чаще всего с законодателем ассоциируется представительный орган государственной власти — парламент. Вместе с тем, не отрицая роль и значение законодателя в его институциональном значении, надо заметить, что в роли законодателя как в негативном плане (признание нормативных актов незаконными, неконституционными), так и в позитивном ключе (выработка норм и правил для решения правовой проблемы) могут выступить и правоприменители — те, на кого возложена обязанность строго соблюдать, исполнять и применять законодательство. Прежде всего это суды, и в особенности Конституционный Суд. При этом в контексте правотворческого потенциала правоприменительных органов ключевое значение приобретает активность граждан и организаций, отстаивающих свои права, свободы и законные интересы. В их борьбе и раскрывается «естественная правота», которая придает правовому регулированию новые «оттенки», «звучание», «видение». Соответственно, Конституционному Суду остается профессиональное выявление и описание этой естественной правоты.

А.Н. Савенков. *В системе юридического образования как в России, так и в Западной Европе, уже долгое время сокращается объем изучения истории государства и права. Во многих странах всеобщая история государства и права не изучается вовсе. Б.Н. Чичерин, известный русский философ права, гегельянец, утверждал, что история есть не только*

наставница жизни (вслед за Цицероном), но и наставница мысли. Однако юридическое образование вне связи с историческими образами права, очевидно, может превратиться в пустой сосуд, средство, которое можно использовать в любых целях. Не приведет ли, на Ваш взгляд, такая тенденция к радикальному снижению роли права в мире, что, в частности, оказывается явно заметным в связи с попытками подменить право суррогатом в виде «правил»?

В.Д. Зорькин. Историко-правовые дисциплины являются важнейшими составляющими юридического образования, которое без базовых знаний о генезисе государственных и правовых институтов не может считаться полноценным. Вместе с тем вряд ли с уверенностью можно утверждать о наличии прямой причинно-следственной связи между сокращением преподавания таких дисциплин и снижением роли права. Кроме того, скептические оценки современного состояния права считаются преждевременными.

Сегодня в мире действительно протекают переломные процессы, очень много вызовов возникает в различных уголках света с последствиями в виде существенных и массовых нарушений прав людей, возрастает степень угроз обеспечения стабильности миропорядка. В этих условиях правовая реакция может оказаться чрезмерно запоздалой, неэффективной, а порой и неадекватной. Вместе с тем многие правовые вопросы успешно решаются в каждодневной практике национальных правовых систем. Уверен, что какими бы ни были стоящие перед нами вызовы, право не утратит своей содержательности, не станет сводом пустых правил и удержит цивилизованный мир от падения в хаос.

А.Н. Савенков. *В начале этого года Европарламентом была принята очередная резолюция, которая посвящена попыткам на доктринальном уровне радикально переустроить отношение к истории. Название резолюции — «О европейском историческом сознании». В ней на научном, политическом и организационном уровнях в форме внешне правовых рекомендаций и принципов утверждается повсеместный отказ от любой достоверности в истории, тотальный отказ от принципа исторической правды, так как это, по мнению авторов документа, ведет лишь к спорам и разногласиям. А на место хронологических и событийных вопросов истории предлагается поставить индикатор, который на основании условных и никому не известных правил будет служить фильтром для просеивания исторических фактов в качестве удобных или неудобных. Это создает опасность радикального извращения истории, ограничения свободы научного и познавательного творчества, существенного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Можно ли, на Ваш взгляд, недооценивать опасности и угрозы принятия такого рода*

доктринальных политико-правовых актов? И как при таких условиях будет обеспечиваться правовой диалог с европейскими государствами, так сказать, не знающими своих корней, не признающими никакого другого мнения, кроме своего, буквально призывающими произвольно переписывать историю?

В.Д. Зорькин. Не стал бы придавать такого рода актам доктринальное или правовое значение. Акт Европарламента, который Вы приводите в своем вопросе, скорее имеет пропагандистское значение. На такого рода проявления должны отвечать соответствующие государственные и общественные институты. Насколько мне известно, эта резолюция не осталась без ответа со стороны российских властей.

Научный же подход отличается строгой методологией, верифицируемостью выводов, признание которых основывается на длительных исследованиях и согласии широкой научной общественности,

что отличает именно гуманитарные исследования, которые проводятся в исторических и юридических науках. Данная резолюция в этом аспекте ничего не привносит. Свою оценку должна дать научная мысль. Насколько мне известно, научный процесс в части исследования исторических событий, к которым отсылает резолюция Европарламента, не завершен, а потому преждевременно утверждать о существовании какой-либо реальной опасности или угрозы.

Что касается правового диалога с европейскими коллегами, то Конституционный Суд Российской Федерации всегда его вел с научных и правовых позиций в пределах своих полномочий и встречал, как правило, такой же профессиональный отклик. Вопросы пропаганды и информационного противостояния не входят в компетенцию конституционных судов и не являются профессиональной составляющей деятельности ученых-юристов.